

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 166–172. ISSN 1998–0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 166–172. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”19”

EDN RESTVI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-166-172>

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИМЕТА ПЬЕС А.Н. ОСТРОВСКОГО: РЕЧЬ СВАХ

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Аннотация. В работе обсуждается проблема речевых стереотипов русского свадебного обряда в текстах художественных произведений. Конкретному анализу подвергаются пьесы А.Н. Островского с темой сватовства, где в речи свах широко представлены образцы устного народного творчества и свадебной обрядности. В статье представлены образцы поэтического творчества свах, изобилующие фольклорными и ритуально-свадебными элементами, даётся их анализ со стороны содержания и формы, проводится сопоставление с их аутентичными народно-разговорными прототипами, в том числе зафиксированными и на костромской земле. Исследование опирается на труды известных русских фольклористов, посвятивших свою деятельность изучению локальных традиций речевых жанров русской свадьбы и сопутствующим им фольклорным образцам. Устанавливаются историко-культурные связи драматургического творчества А.Н. Островского с живыми фольклорно-обрядовыми народными традициями. В этой связи выявляется высокая оценка специалистами архивных фольклорно-обрядовых коллекций Костромы, в том числе и в стенах Костромского государственного университета. В заключение говорится о содержательной и стилистической значимости фольклорных речевых элементов в драматургии А.Н. Островского: через речь свах передаются элементы русского свадебного обряда и многие типизированные поэтические образцы устного народного творчества.

Ключевые слова: свадебно-обрядовые речевые стереотипы, А.Н. Островский, речь свах, фольклорные архивные коллекции Костромы.

Для цитирования. Ганцовская Н.С. Народно-фольклорные и свадебно-обрядовые стереотипы как стилистическая примета пьес А.Н. Островского: речь свах // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 166–172. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-166-172>

Research Article

FOLKLORE STEREOTYPES AS A STYLISTIC FEATURE OF ALEXANDER OSTROVSKY'S PLAYS: SPEECH OF MATCHMAKER WOMEN

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Abstract. The problem of speech stereotypes of the Russian wedding ceremony in the texts of works of fiction is discussed in the paper. What is subjected to specific analysis are the plays by Alexander Ostrovsky with the theme of matchmaking, where samples of oral folklore and wedding rituals are widely represented in the speech of the matchmakers. The samples of their poetry, replete with folkish and ritual wedding elements, are presented in the article with their analysis given from the side of content and form as well as comparison with their authentic folkish oral prototypes, including ones fixed on Kostroma soil as well, is made. The study is based on the works of well-known Russian folklorists who devoted their work to studying local traditions of the Russian wedding speech genres and folklore patterns accompanying them. Historical and cultural links of Alexander Ostrovsky's dramaturgical creative work with live folklore and ritual folk traditions are established. In this respect, the high appreciation of the archival folklore and ritual collections of Kostroma, including the one in the walls of Kostroma State University, is revealed by the experts. In conclusion, it is pointed out that folklore speech elements in Alexander Ostrovsky's drama are of substantial and stylistic importance, and these includes elements of Russian wedding ceremonies and many typified poetic examples of oral folklore conveyed through the speech of matchmakers.

Keywords: wedding ceremonial speech stereotypes, Alexander Ostrovsky, speech of matchmakers, Kostroma folklore archive collections.

For citation: Gantsovskaya N.S. Folklore stereotypes as a stylistic feature of Alexander Ostrovsky's plays: speech of matchmaker women. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 166–172 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-166-172>

Язык героев драматических произведений А.Н. Островского отличается неповторимой жизненной силой и яркой характерностью, что неизменно способствовало успеху его пьес с момента создания и до сегодняшнего дня. В этом многоцветном речевом ковре колоритно выделяется речь свах, изобилующая приметами фольклорно-поэтической речи, точечными – гиперболами, метафорами, сравнениями, эпитетами, но также и достаточно развёрнутыми синтаксическими стереотипами свадебных обрядов, причетов, присказок, приговоров и т. д., неизменной принадлежностью их ремесла. Показательно, что, общаясь с широким кругом людей на своём специализированном языке в виде фольклорных формул, свахи легко находят с ними общий язык. Как кажется – в результате осведомлённости последних в содержании и особенностях формы представляемого ими свадебного речевого жанра.

Так, Устинья Наумовна, сваха из пьесы «Свои люди – сочтёмся», у которой «женихов-то, что кобелей борзых» [Островский 1987: 59]¹, щедро и неутомимо рассыпает комплименты-благопожелания своим клиентам в виде однословных гипербол, характерных для многих жанров устного народного творчества: *серебряные, золотые, бралиянтовые* (Липочке, Аграфене Кондратьевне, Фоминишне, Большову), *золотые* (Большову, Аграфене Кондратьевне, Липочке), *бралиянтовая, жемчужная* (Аграфене Кондратьевне), *изумрудная, золотая, жемчужная* (Липочке), *серебряная* (Фоминишне), *бралиянтовый, серебряный* (Рисположенскому), *яхонтовый, бралянтвый* (Большову), *серебряный, яхонтовый, алмазный, бралиянтовый, изумрудный* (Подхалюзину), а также развёрнутые народные присловья, сравнения и поговорки: *чего же лучше, как не красотой цвести; что как пушка на колёсах стоишь; день-то деньской... словно отымалка какая мычуся; лягушка его заклюй; знакомых по городу, как собак; я ведь не краденая какая, не овца без имени* и т. д. Виртуозно владея многими жанрами устного народного творчества, она может к месту вставить и насмешливое рифмованное четверостишие-небылицу:

*Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросёночек яичко снёс* [Островский 1987: 83].

Обладая незаурядным умом, сваха выступает в роли резонёра и, как бы цитируя мысли автора, может точно оценить истинную сущность людей. Например, разоблачая «необразование» и «мужицкое» происхождение богатой и стремящейся выглядеть

цивилизованно наследницы семьи купца Большова, она тем самым как бы объясняет обилие просторечных элементов в их речи: *А они-то разве благородные? То-то и беда яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна... Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге... Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница – из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит* [Островский 1987: 63].

В трилогии пьес А.Н. Островского с главным героем М. Бальзаминовым функциональная нагрузка фольклорных и свадебно-обрядовых элементов в речи свахи, Акулины Гавриловны Красавиной, возрастает. Она так и рассыпает речевые перлы в виде эпитетов, сравнений, пословиц, поговорок, свадебных приговоров и причетов, недаром её прозвали Говорилихой: *«Бальзаминова... Как Вас звать? Красавина. Акулина Гавриловна. Между народом-то Говорилихой прозвали, так Говорилихой и кличут»* [Островский 1987: 403]. На каждый момент протяжённого во времени брачного обряда, а ниже речь идёт о первоначальных предсвадебных хлопотах, она знает свой причет, своё фольклорное «говорное произведение», которое легко вписывается в бытовой диалог: *«Каков молодец! Ох, глаза твои плутовские, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А девка-то теперь сохнет, по стенам мечется. Видит беду неминуемую, за Говорилихой сейчас: выручай, Говорилиха!» – А Говорилихе -то и на руку. Посольскую должность мне не в первый раз править. Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором»* [Островский 1987: 403].

Назовём те её иносказания, поговорки, причитания и др. примеры говорных фольклорных жанров в трилогии о Бальзамине, которые связаны с обрядовыми русскими традициями, и затем попытаемся сопоставить их с известными нам с давних времён образцами русского устного народного творчества, которые, безусловно, были широко известны в разных сословных кругах русского общества, особенно непривилегированных. Прекрасно были знакомы они и А.Н. Островскому, что известно по многим его биографическим источникам и видно по содержанию его произведений. Сопоставляя с документальными записями образцов устного народного творчества, можно установить, что драматург подавал их с большой степенью точности следования традиции, но не чуждых импровизационного момента, что вообще-то является отличительной чертой устного народного творчества.

Так, например, в диалоге Бальзамина и Красавиной в пьесе «Праздничный сон – до обеда» в Явлении четвёртом Первой картины сначала сваха обращается к своему собеседнику в духе стилистики русской сказки, русских пословиц, поговорок и традиционных свадебных причетов (последнее см. выше): *Красота моя неописанная, младой вьюнош, чем дарить-то будешь?; Много будешь знать, скоро состарешься... На нет – суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше денег...* [Островский 1987: 402]. В следующем же диалоге, когда Бальзамино выпытывает у свахи, о ком она ведёт речь, в её ответе-иносказании наряду с традиционными русскими образами из области ткацкого ремесла появляются неологизмы-кальки, сформированные под модные галлицизмы: Бальзамино. *Да от кого? Красавина. От кого! Тебе всё скажи. Сам догадайся. Где с утра до ночи основу-то снуёшь, аль не знаешь? Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует* [Островский 1987: 403].

Дадим выборку пословиц, поговорок, типизированных стилистических сказочных оборотов, которые встречаются в речи Акулины Гавриловны. *По щучьему веленью, по моему прошенью...* [Островский 1987: 410]. *Я, что птица вещая, даром не покажусь?* [Островский 1987: 431]. *Такая женищина, я вам скажу одно слово – король* [Островский 1987: 432]. *Куй железо, пока горячо* [Островский 1987: 432]. *...Ероийский дух* [Островский 1987: 433]. *Бобы развести* [Островский 1987: 433]. *Видел нужду-то, в чём она ходит...* [Островский 1987: 434]. *Процай, сокол – вороньи крылья!* [Островский 1987: 434]. *Была, и мёд пила, по усам текло, а в рот не попало* [Островский 1987: 444]. *Сокол в путь снаряжается, чай, скоро прилетит* [Островский 1987: 444]. *...Избушка на курьих ножках, маленько – тово, набок; рогатого скота: петух да курица; серебряной посуды: крест да пуговица...* [Островский 1987: 434]. *Ты хорошие какие-нибудь скажи, про ерцогиню какую либо про прынца* [Островский 1987: 446]. *Наше дело такое, где спасибо скажут, а где и в шею вытолкают* [Островский 1987: 451]. *С повинной, матушка, не вели казнить, вели речь говорить* [Островский 1987: 457]. *У меня совесть-то чище золота – хрусталь...* [Островский 1987: 457]. *...Знать, не судьба* [Островский 1987: 457]. *...У всякого плута свой расчёт* [Островский 1987: 457]. *Ничего, матушка, брань на воротах не виснет* [Островский 1987: 457]. *Такая у меня на примете есть краля...* [Островский 1987: 458]. *...Хоть караул кричи* [Островский 1987: 459]. *Красота ты моя писаная, разрисованная! Всё ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы... Никто души моей не знает, / И чувств моих не могут описать* [Островский 1987: 460]. *По Сеньке и шапка, по Ерёмке кафтан... Ви-*

дит собака молоко, да рыло коротко [Островский 1987: 460]. *Москва-то не клином сошлась* [Островский 1987: 460]. *...Хлеб за брюхом не ходит* [Островский 1987: 463]. *Скоро, красавица ты моя, скоро... красавица ты моя писаная* [Островский 1987: 466]. *Коли есть женихи на дне моря, то я со дна моря достану* [Островский 1987: 467]. *Я орёл на эти дела* [Островский 1987: 467]. *Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтобы звончее был* [Островский 1987: 467]. *Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Всё сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было! Ишь тебя луканька-то носит!* [Островский 1987: 475]. *Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял* [Островский 1987: 476]. *Вот у нас пированье пойдёт – дым коромыслом. А там и вовсе свадьба* [Островский 1987: 478]. *Ах ты красавица моя писаная!* [Островский 1987: 478]. *А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую* [Островский 1987: 491]. *Много он маху давал, а теперь попал, – под самое под правое крылушко* [Островский 1987: 491]. *А то вот ещё есть пословица... «За чем пойдёшь, то и найдёшь»* [Островский 1987: 492].

Далее в нашем обзоре следуют развёрнутые чудесные истории, фантастические рассказы:

Да вот говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдёт. Говорят, это перед последним концом...

Красавина. *Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионов войска ведёт. Ничкина. Откуда же он, белый арап? Красавина. Из Белой Арапии.*

Да говорят ещё какая-то комета ли, планида ли идёт: так учёные в митроскоп смотрели на небо и рассчитали по цифрам, в который день и в котором часу она на землю сядет [Островский 1987: 410–411].

...Ходит-бродит он, добрый молодец, вот таким палестинам, что другому и на ум не взойдёт. Доходился он до край-Москвы, видит он: стоит нов-высок терем; а во этом терему, во купеческом дому, такая пава, что только «ах», да и всё тут. Не скажу, чтобы красавица, а пышина уж очень. Так пышина, что нынче мало можно найти таких женищин, вот как! Уж именно, что на ловца и зверь бежит... [Островский 1987: 431].

Войны не слышать. Тихо везде: по всей земле мирение вышло. Земля трясётся местами, об этом слух есть; местах в трёх трясение было [Островский 1987: 467].

...Да вот ещё, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась... Из диких лесов, говорят. Днём под каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули-то, а атаман в турецком платье [Островский 1987: 468].

Ехала я селами, городами, тёмными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся [Островский 1987: 491].

Последний фрагмент представляет собой одно из устойчивых типизированных описаний свадебных приговоров – описание пути-дороги свадебного поезда. Говорной фольклорно-обрядовый репертуар свахи Акулины Гавриловны Красавиной, как и представленный выше лексикон свахи Устиньи Наумовны, разнообразен, имеет народные истоки и демонстрирует, судя по реакции собеседников, полное и одобрительное их восприятие. Этот репертуар был повсеместно распространён на Руси и хорошо знаком, как мы уже говорили выше, и А.Н. Островскому, практически, в виде жизненных наблюдений, и, возможно, в виде опубликованных к середине XIX столетия записей и исследований на эту тему. Упомянем некоторые из подобных публикаций при жизни писателя (здесь представляем часть обширного библиографического списка монографии Ю.А. Крашенинниковой «Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX – первой трети XX в.» [Крашенинникова 2021]: [Александров 1863; Андроников 1856; Бажин 1848; Даль 1989; Даль 1995; Дементьев 1865; Доброздраков 1853; Жаравов 1853; Машкин 1862; Осокин 1857; Преображенский 1853; Юрлов 1867а; Юрлов 1867б] (из этого списка надо особо отметить публикации Жаравова и Дементьева в «Москвитянике» и Осокина в «Современнике», наверняка попавшие в поле зрения драматурга).

Ю.А. Крашенинникова в вышеупомянутой монографии [Крашенинникова 2021], где совмещает теорию с хрестоматийной публикацией материалов по разным губерниям России, публикует обширное количество текстов свадебных приговоров и причетов в России начиная с 40-х годов, ещё при жизни А.Н. Островского (что для нас представляет особенный интерес), где они появляются в таких изданиях, как «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Журнал словесности, наук, художеств, промышленности новостей и мод», «Москвитянин», «Современник» этнографических сборниках, губернских «Ведомостях», трудах статистических комитетов, сборниках краеведческих обществ и т. д. Как она поясняет, «Фольклорно-этнографические материалы о свадьбе презентуются, как правило, в виде бытовых очерков, путевых заметок, в которых в большинстве своём описывается обряд конкретных локальных традиций и, более узко, населённых пунктов, свидетелем, очевидцем которого был сам автор публикации <...> На фоне работ, посвящённых отдельным местностям, выделяются издания, в которых представлены фольклорные материалы многих губерний России...» [Крашенинникова 2021: 9–10], но послед-

нее происходит уже позднее, не при жизни драматурга. Она указывает, что «инвентаризация имеющихся в научном обороте материалов XIX–XX вв. позволила выделить зоны “особой развитости” жанра и его разновидностей. Так, приговоры свадебных дружек и сватов фиксируются на территории России почти повсеместно: преимущественно на Русском Севере, в меньшей степени в центральной части и Поволжье, точно в Сибири и Забайкалье. Приговоры девушек при выносе свадебного деревца получили распространение почти на всей территории Костромского края... Приговоры «на мяч» (вар.: “на рогозку”) отмечены в вологодской традиции (Тотемский и Кадниковский уезды), приговоры, адресованные катающимся молодожёнам – в Костромском уезде Костромской губернии и т. д. Материалы показывают, что «эпицентр» развития и бытования жанра приходится на вологодско-костромскую территорию» [Крашенинникова 2021: 13].

Типизированные описания и мотивы разного локального статуса, в том числе и на территории Костромской губернии, характерны не только для приговоров дружек, но встречаются в речи и всех свадебных чинов. Вот одна из наиболее употребительных для свадебного обряда речевых формул, самохарактеристика персонажа, которая приведена выше в речи свахи Красавиной (*Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором*) и которую Ю.А. Крашенинникова комментирует следующим образом: «Формула используется для характеристики свадебных персонажей (дружки, жениха, поварихи, молодой пары), встречается в записях приговоров многих локальных традиций России; широкое распространение и устойчивая форма позволили В.И. Далю выделить её как пословицу с функцией – произносится при “потчевании на свадьбе” (В.И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1989. Т. 2. С. 249)» [Крашенинникова 2017: 7].

В другом своём исследовании «О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек на “свадебное деревце”)» Ю.А. Крашенинникова говорит о преимущественной локальной костромской прикреплённости текстов подобного тематического репертуара, произносимого девушками, «при выносе “девьей красоты” – небольшого по размеру деревца (берёзка, ель или верхушка ели), символизировавшего “девью волю”. Деревце было украшено цветами, мишурой, конфетами, свечами, лоскутами ткани, бусами...» [Крашенинникова 2015: 3]. Она сообщает, что в её «настоящей работе используется довольно много материалов, хранящихся в архиве фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» и благодарит сотрудников вуза за оказанную ей помощь при ознакомлении с фондами лаборатории, отмечая

заслуги организатора лаборатории канд. фил. наук А.В. Тороповой. Далее она устанавливает, что по публикациям и архивным материалам можно «говорить о записях, сделанных примерно с конца XIX в. до настоящего времени в более чем пятнадцати районах Костромской области (в частности, Антроповский р-н, Буйский у., Галичский у., Кадыйский у., Кинешемский у., Кологривский у., Костромской у., Красносельский р-н, Макарьевский р-н, Мантуровский р-н, Нейский р-н, Островский р-н, Парфентьевский у., Суванинский р-н, Солигаличский р-н) [Крашенинникова 2015: 4]. В этой же работе она показывает, что формула «проходки персонажа» характерна как для приговора дружки, так и для приговора девушки. В качестве иллюстрации этого положения она приводит текст, записанный студенткой Костромского пединститута Верой Славской (кстати, и моей ученицы) вблизи Костромы, в 22 км, в деревне Калинки ныне Судиславского района:

*...У меня, у девицы,
Ноги с подходом,
Руки с подносом,
Голова с поклоном,
Язык с приговором*

(Зап. от Т.А. Смирновой, 1901 г. р., д. Калинки, Костромской р-н, КО. Соб. В. Славская, 1988 г. Архив КГУ [Крашенинникова 2015: 6].

Ранее Ю.В. Крашенинникова специально написала статью с характеристикой костромских фольклорных материалов интересующей её тематики «Тексты свадебных приговоров в архивных коллекциях г. Костромы (некоторые комментарии к материалам) в сборник «Русское слово и костромской край», посвящённый памяти выдающегося краеведа костромского Поунжья, диалектолога, фольклориста и лексикографа А.В. Громова [Крашенинникова 2016]. В ней она подчеркнула преимущественное распространение на костромской земле, т. е. той «зоны, в которой свадебные приговоры получили широкое распространение», определённых фольклорных жанров и традиций их исполнения. Юлия Андреевна выявила и описала многие ценные материалы в костромских архивах и архивных коллекциях: Костромском государственном областном архиве, Костромской научной универсальной библиотеке, фольклорно-краеведческой лаборатории КГУ им. Н.А. Некрасова, установила, в каких регионах области были сделаны записи интересующего её фольклорного жанра и благодарилась за возможность доступа к материалам лаборатории. Она отметила «огромную роль канд. филол. наук Алевтины Васильевны Тороповой, организовавшей фольклорную лабораторию университета, наладившей сбор и камеральную обработку фольклорно-этнографических материалов» [Крашенинникова 2013: 513].

Безусловно, А.Н. Островский, отец и ближайшие родственники которого были родом из Костромы, а сам он в летний сезон десятилетиями проживал в своей костромской усадьбе Щельково, активно участвуя там в фольклорных крестьянских праздниках, был хорошо знаком с русскими народными фольклорно-обрядовыми традициями. И текстовые образцы многих из них он вложил преимущественно в уста свах в своих пьесах.

Как видим, народно-поэтическое фольклорно-обрядовое творчество находило отклик и в художественной литературе. В драматургии А.Н. Островского через речь свах транслировались многие типизированные фольклорно-обрядовые речевые элементы (точечные – слова и словосочетания, развёрнутые – полипредикативные сюжетные комплексы). При этом можно констатировать, что речи свах у Островского – образцы наивных авторских произведений в виде краткого импровизационного микса элементов стереотипных фольклорных жанров, своего рода литература в литературе. Говорные обрядово-фольклорные реплики свах создают особое настроение, завораживают собеседников, тем самым придавая больший вес их стараниям, по сути дела глубинной подоплёкой которых являются коммерческие интересы. Однако и творческий элемент их словесной деятельности налицо. При помощи устойчивых обрядово-фольклорных формул свахи создают для своих клиентов лучезарные картины настоящего и обещают райские перспективы в будущем. Правда, будучи трезвыми стратегами, они не чуждаются и остроумных критических зарисовок ситуации, и уничижительных характеристик своих подопечных, особенно в неблагоприятных для себя положениях.

Источники

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из пьесы драматурга по следующему изданию: А.Н. Островский. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Пьесы, 1850–1861 / сост., вступ. сл. и коммент. В.Я. Лакшина. Москва: Худож. лит., 1987. 527 с.

Список литературы

- Александров В.А.* Вологодская свадьба. Санкт-Петербург, 1863.
- Андроников П.И.* Свадебные обычаи и песни в селе Костенево Костромского уезда // Костромские губернские ведомости. 1856. № 21–27, 29. Часть неоф.
- Бажин Н.Ф.* Крестьянская свадьба в Котельничском уезде // Вятские губернские ведомости. 1848. № 9. С. 56–59
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Москва, 1989.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1995.

Дементьев В. Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии (отрывок из путевых заметок) // Москвитянин . 1855. № 7. С. 65–134.

Доброздраков М. Село Ульяновка Нижегородской губ. Лукояновского уезда // Этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1853. Вып. 1. С. 25–61.

Жаравов А. Сельские свадьбы Архангельской губернии // Москвитянин. М., 1853. № 13. С. 7–64; № 14. С. 81–104.

Крашенинникова Ю.А. Тексты свадебных приговоров в архивных коллекциях г. Костромы (некоторые комментарии к материалам) // Русское слово и костромской край: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.В. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2013. С. 512–518.

Крашенинникова Ю.А. О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек на “свадебное деревце” // Традиционная культура: научный альманах. 2015. 3 (59). С. 149–162.

Крашенинникова Ю.А. «Просьба на мяч»: о редких записях свадебных приговоров из Вологодской губернии кон. XIX – нач. XX вв. (несколько замечаний о специфике жанровой разновидности) // Slavia orientalis. 2017. Т. LXVI, NR 3. С. 505–518.

Крашенинникова Ю.А. Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX – первой трети XX в. / сост., вступ. ст., подг. текстов, коммент. Ю.А. Крашенинниковой. Москва: Индрик, 2021. 712 с.

Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии Обо-янского уезда // Этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1862. Вып. 5. С. 1–119.

Осокин С. Сельская свадьба в Малмыжском уезде // Современник. 1857. № 1. С. 54–87.

Преображенский А. Приход Станиловский на Сити (Ярославская губ. Моложский уезд): Записал воспитанник священника А. Преображенского // Этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1853. Вып. 1. С. 125–174.

Юрлов В.П. Заметка о свадебных обрядах в Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 27 (11 марта). С. 3–4.

Юрлов В.П. Этнографические материалы // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 37 (6 апреля). С. 3–4.

References

Aleksandrov V.A. *Vologodskaya svad'ba* [Vologda wedding]. St. Petersburg, 1863. (In Russ.)
 Andronikov P.I. *Svadebnye obychai i pesni v sele Kostenev Kostromskogo uезда* [Wedding customs and songs in the village of Kostenev, Kostroma district]. *Kostromskie gubernskie vedomosti* [Kostroma Provincial Gazette], 1856, No 21–27, 29, part unofficial. (In Russ.)
 Bazhin N.F. *Krest'yanskaya svad'ba v Kotel'ni-*

cheskom uезде [Peasant wedding in Kotelnicheskyy district]. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatskiye Provincial Gazette], 1848, No 9, pp. 56–59. (In Russ.)

Dal' V.I. *Posloviцы russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols.]. Moscow, 1989. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Dement'ev V. *Derevenskie svad'by v Kologrivskom uезде Kostromskoj gubernii (otryvok iz putevyh zame-tok* [Village weddings in the Kologrivsky district of the Kostroma province (an excerpt from travel notes)]. *Moskvityanin* [Muscovite], 1855, No 7, pp. 65–134. (In Russ.)

Dobrozdrakov M. *Selo Ul'yanovka Nizhegorodskoj губ. Lukoyanovskogo uезда* [Ulyanovka village, Nizhny Novgorod province. Lukoyanovsky district]. *Etno-graficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1853, vol. 1, pp. 25–61. (In Russ.)

Zharavov A. *Sel'skie svad'by Arhangel'skoj gu-bernii* [Rural weddings in the Arkhangelsk province]. *Moskvityanin* [Muscovite], 1853, No 13, pp. 7–64; No 14, pp. 81–104. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. *Teksty svadebnyh prigovo-rov v arhivnyh kollekcijah g. Kostromy (nekotorye kom-mentarii k materialam)* [Texts of wedding verdicts in the archival collections of the city of Kostroma (some comments on the materials)]. *Russkoe slovo i kostrom-skoj kraj: sbornik statej* [Russian word and Kostroma region: collection of articles], ed. by N.S. Gancovskaya, O.V. Krylova. St. Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2013, pp. 512–518. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. *O sluchayah i mekhanizmah zhanrovogo vzaimodejstviya v tekstah svadebnogo obrya-da (na materiale prigovorov devushek na “svadebnoe derevce”* [On the Cases and Mechanisms of Genre Interaction in the Texts of the Wedding Ceremony (Based on the Sentences of Girls on the “Wedding Tree”). *Tradicion-naya kul'tura: nauchnyj al'manah* [Traditional culture: scientific almanac], 2015, 3 (59), pp. 149–162. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. «Pros'ba na myach»: o red-kih zapisyah svadebnyh prigovorov iz Vologodskoj gu-bernii kon. XIX – nach. XX vv. (neskol'ko zamechanij o specifikе zhanrovoj raznovidnosti) [“A request for a ball”: about rare records of wedding verdicts from the Vologda province of the late 19th – early 20th centuries (a few remarks about the specifics of the genre variety)]. *Slavia orientalis*, 2017, т. LXVI, NR 3, pp. 505–518. (In Russ.)

Krashenninnikova Yu.A. *Russkie svadebnye prigovo-ry v arhivnyh kollekcijah XIX – pervoj treti XX v.* [Rus-sian wedding verdicts in archival collections of the 19th – first third of the 20th centuries], compiler, author of the introductory article, preparation of texts and comments by Yu.A. Krashenninnikova. Moscow, Indrik Publ., 2021, 712 p. (In Russ.)

Mashkin A.S. *Byt krest'yan Kurskoj gubernii Oboyanskogo uezda* [The life of the peasants of the Kursk province of the Oboyan district]. *Etnograficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1862, vol. 5, pp. 1–119. (In Russ.)

Osokin S. *Sel'skaya svad'ba v Malmyzhskom uezde* [Rural wedding in Malmyzhsky district]. *Sovremennik* [Contemporary], 1857, No 1, pp. 54–87. (In Russ.)

Preobrazhenskij A. *Prihod Stanilovskij na Siti (Yaroslavskaya gub. Molozhskij uezd). Zapisal vospitannik svyashchennika A. Preobrazhenskogo* [Parish Stanilovsky on the City (Yaroslavl province. Molozhsky district). Recorded by a pupil of the priest A. Preobrazhensky]. *Etnograficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1853, vol. 1, pp. 125–174. (In Russ.)

Yurlov V.P. *Zametka o svadebnyh obryadah v Simbirskoj gubernii* [A note on wedding ceremonies in the Simbirsk province]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial sheets], 1867, No 27 (11 March), pp. 3–4. (In Russ.)

Yurlov V.P. *Etnograficheskie materialy* [Ethnographic materials]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial sheets], 1867, No 37 (6 April), pp. 3–4. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.